

СТУДЕНТЫ В “СЕТИ”: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК АКТОР СБОРКИ “СЕТЕВЫХ ПРОСТРАНСТВ” ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МИГРАНТОВ В ИРКУТСКЕ

К.А. Иванов, Ю.О. Корешкова

Кирилл Андреевич Иванов | <http://orcid.org/0000-0002-3895-0082> | ivanov-ka@word.isu.ru | старший преподаватель кафедры китаеведения | Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса 1, Иркутск, 664003, Россия)

Юлия Олеговна Корешкова | <http://orcid.org/0000-0002-5582-6032> | yuliakodzhaeva@yandex.ru | младший научный сотрудник научно-исследовательской части | Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса 1, Иркутск, 664003, Россия)

Ключевые слова

образовательная миграция, евклидово пространство, сетевое пространство, дигитальные практики, социальные медиа, Иркутск

Аннотация

Данная статья посвящена изучению повседневных онлайн- и офлайн-практик, осуществляемых транслокальными (россиянами) и трансграничными (китайцами) студентами-мигрантами в Иркутске. Основываясь на идее, предложенной Д. Ло, о разделении “евклидова” и “сетевого” пространств, мы попытались объяснить, как участие студентов-мигрантов в разнообразных цифровых сообществах и группах выстраивает и стабилизирует различные сети отношений, как определяет их повседневные практики в месте пребывания. Мы показываем, что для китайских студентов участие в группах социальных медиа становится основой формирования их “сетевого пространства”. Для россиян социальные сети служат лишь дополнением к офлайн-практикам, по сути, играют обслуживающую роль при выстраивании “сетевого пространства”. Таким образом, ежедневно находясь физически в одних и тех же местах (“евклидово пространство”), иногородние и иностранные студенты воспринимают и потребляют их по-разному, так как одновременно пребывают в различных “сетевых пространствах”.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-78-10075] (<https://rscf.ru/project/22-78-10075/>)

Статья поступила 26.12.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 19.06.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Иванов К.А., Корешкова Ю.О. Студенты в “сети”: социальные медиа как актор сборки “сетевых пространств” образовательных мигрантов в Иркутске // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 136–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050087> EDN: ASBGHO

Ivanov, K.A., and I.O. Koreshkova. 2024. Studenty v “seti”: sotsial’nye media kak aktor sborki “setevykh prostranstv” obrazovatel’nykh migrantov v Irkutske [Students on the “Web”: Social Media as an Actor in Assembling “Network Spaces” of Educational Migrants in Irkutsk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 136–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050087> EDN: ASBGHO

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

Стремительное распространение цифровых технологий становится сегодня важнейшим фактором социальных изменений (*Hilbert 2020*). С одной стороны, влияние цифровизации отмечается на макроуровне и затрагивает такие зонтичные области человеческой жизни, как экономика (см. напр.: *Xia et al. 2024*), управление и планирование (см. напр.: *Falk et al. 2017*), образование (см. напр.: *Haleem et al. 2020*) и др. С другой стороны, цифровизация оказывает существенное влияние и на микроуровнях, встраиваясь в повседневность. Важным процессом, обеспечившим включение в цифровые интеракции самого широкого круга акторов, от разного рода сообществ до отдельно взятых индивидуумов, стала “смартфон-революция” — массовое распространение беспроводных гаджетов с возможностью выхода в сеть Интернет, а также сопутствующие ему развитие пользовательского софта и эволюция технологий мобильной связи (*Mallinson 2015*). Особенно явно влияние цифровых технологий на повседневность проявляется среди городских жителей, для которых различные практики и дискурсы офлайна и онлайна смешиваются, формируя гиперповседневность (*Amigo et al. 2017*) — особый режим жизни, позволяющий пользователям цифровых ресурсов вне зависимости от конкретного местонахождения, фактически непрерывно коммуницировать как друг с другом и с сообществами, с которыми они аффилированы, так и с различными объектами и учреждениями в городе.

Ярким примером городских обывателей, сталкивающихся с дефицитом информации, нехваткой жизненно-важных ресурсов, ограниченностью во времени, сложностями бюрократического плана и банальной дезориентацией, являются мигранты. Использование цифровых площадок формирует и корректирует миграционные траектории (см. напр.: *Тимошкин и др. 2023*), а также упрощает процессы адаптации мигрантов на новом месте (см. напр.: *Haynes, Wang 2019*). Пожалуй, главными механизмами, позволяющими мигрантам через “цифру” преодолевать весь комплекс сложностей, являются обмен информацией и выстраивание горизонтальных связей в виртуальной среде выходцев с одной территории (см. напр.: *Timoshkin 2020*). Как показывают исследования, практики подобного типа характерны для сообществ как трансграничных мигрантов (см. напр.: *Кузелева-Саган и др. 2016*), так и внутренних (см. напр.: *Сметанин и др. 2023*).

Изучение образовательной миграции представляет собой отдельное направление исследований, которое характеризуется широким набором тем и теоретических подходов. При этом исследовательский фокус имеющихся работ ограничен главным образом рамками учебных процессов (см. напр.: *Kolova, Belkina 2023*). За скобками научных интересов остается повседневная жизнь студентов-мигрантов во внеобразовательных пространствах, таких как городская среда или цифровые платформы. Продолжающееся нахождение мигрантов в новом пространстве так или иначе формирует разные техники его считывания, использования и потребления (*Goodman et al. 2010: 3–40*). Влияние социальных медиа на повседневность иностранных студентов изучалось на зарубежном материале целым рядом исследователей. При этом применялись количественные методы — как отдельно (опросы, анкетирование, сбор и анализ данных социальных сетей) (см. напр.: *Yang 2018*), так и в комбинации с качественными методами (см. напр.: *Peng 2016; Sinanan, Gomes 2020*). Однако мы по-прежнему мало знаем, что сами мигранты, как трансграничные, так и транслокальные, говорят об использовании социальных медиа и их влиянии на повседневную жизнь.

Наша гипотеза состояла в том, что участие в цифровых сообществах влияет на использование пространств жизнедеятельности образовательными мигрантами и определяет их повседневные практики. Ежедневно находясь в одних и тех же местах, транслокальные и трансграничные образовательные мигранты воспринимают и используют их по-разному. Разница гипотетически объясняется включенностью в различные “сетевые пространства”, где использование конкретных цифровых площадок играет значительную роль в процессах не только встраивания в сети отношений, но и (пере)сборки этих сетей отношений. Другими словами, мы попытаемся продемонстрировать, как использование цифровых технологий, участие в цифровых сообществах формируют и стабилизируют сети отношений, влияют на восприятие различного рода пространств транслокальными/трансграничными студентами-мигрантами и, как следствие, определяют их повседневные практики и влияют на их адаптацию.

Материалы и методы

На первом этапе формирования выборки иностранных студентов мы намеренно ограничились студентами-первокурсниками из КНР. Во-первых, среди иностранцев, обучающихся в ИГУ, китайских студентов большинство: в 2022/2023 уч. г., как свидетельствуют внутренние отчеты университета¹, они составляли 64% (279 человек) от общего количества иностранных студентов, а в 2023/2024 уч. г. — 63% (310 человек) от обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Во-вторых, географическая близость Китая, экономический потенциал Иркутской области, ее роль в логистической системе страны выступают существенными факторами, привлекающими китайцев и их капитал. Иркутск и его окрестности буквально оплетены “китайской” инфраструктурой, в частности, этнически маркированными рынками (Брызгина 2020), сельскохозяйственными предприятиями (Grigoriev, Koreshkova 2022), “китайским” общепитом (Дятлова 2017) и т.д. То есть можно говорить о существовании своеобразной дисперсно встроенной в город “китайской” экономической и пространственной компоненты, используемой самими пребывающими в городе китайцами.

Немаловажным “местом” коммуникации “иркутских китайцев” выступают соответствующие группы в китайских социальных сетях, в частности в *WeChat*. Один из авторов данной статьи на протяжении нескольких лет наблюдает повседневные дигитальные практики китайских мигрантов в регионе исследования, а также закрытые группы в *WeChat* (Koreshkova 2018; Ryzhova, Koreshkova 2022). Наличие собственной цифровой инфраструктуры значительно упрощает процессы адаптации китайских студентов, поскольку дает им возможность оказаться в привычной обстановке и формирует значительный информационный ресурс, снижающий издержки от пребывания в новом городе.

Следующим этапом формирования выборки стало определение атрибутов российских студентов-мигрантов. Как и в случае с китайцами, мы решили остановиться на первокурсниках, поскольку, как показывают исследования, первый год нахождения в новом городе является наиболее стрессовым (Lee et al. 2012), определяющим с точки зрения кристаллизации восприятия пространства, выработки логистики и встраивания быта. Мы выбрали первокурсников-россиян, которые также учатся в ИГУ и проживают в одних и тех же общежитиях с исследуемыми китайцами. Тем самым основные локальности жизнедеятель-

ности китайцев и россиян совпадают, как, по идее, должны совпадать и многие практики. Кроме того, мы решили остановиться на россиянах, изучающих китайский язык. Гипотетически студенты-китайцы и студенты-китаисты имеют взаимный интерес к культурам друг друга, что может стать дополнительным стимулом к коммуникации между ними.

Весной—летом 2023 г. нами были проведены наблюдения на студенческих страницах студентов-россиян в социальной сети “ВКонтакте” — в открытых группах профсоюзной организации, института и общежития. От части цифровых пространств, в частности чатов общежитий и учебных групп, пришлось отказаться, поскольку была высока вероятность нашей деанонимизации как преподавателей университета.

Были проведены глубинные интервью с 20 респондентами, в числе которых китайские (8 человек — 7 юношей и одна девушка в возрасте от 18 до 24 лет) и российские (8 человек — 7 девушек и один юноша в возрасте от 18 до 20 лет) студенты, а также эксперты (трое сотрудников университета, непосредственно работающих со студентами-мигрантами; один неформальный организатор, представитель китайского сообщества студентов ИГУ). Продолжительность каждого интервью со студентами составляла 3–4 часа, с экспертами — 1–2 часа. Основная линия разговора выстраивалась вокруг организации студенческой повседневности с использованием “цифры” и значения “цифры” в исследуемых практиках.

С целью верификации данных проводились парные интервью (*Bjørnholt, Farstad* 2012), во время которых студенты периодически вступали в дискуссии друг с другом, обсуждали некоторые вопросы, прежде чем дать ответ². С российскими студентами интервью проводились на русском языке, с китайскими — на китайском.

“Парные интервью” как метод качественного исследования обычно проводятся для семейных пар или людей, находящихся в романтических отношениях. Однако немаловажными критериями при определении валидности данного метода также является наличие общего быта, финансовых практик, регулярного совместного досуга и плотности межличностного взаимодействия. Особенно неплохие результаты такой метод дает при исследовании домохозяйств (*Valentine* 1999). За условные домохозяйства мы приняли соседства в общежитиях — комнату или секцию, в которых проживающие ведут совместный быт; пары информантов отбирались строго по принципу наличия между ними дружеских отношений. Так как мы работали с феноменологическими конструкциями, пытались определить некий коллективный опыт и выявить коллективные практики, мы согласны с некоторыми авторами, что сбор интервью у тщательно подобранных пар позволяет углубить и фундировать исследовательские интерпретации материала (*Mavhandu-Mudzusi* 2018).

Среди прочего, при анализе материалов в рамках вышеописанной исследовательской оптики мы задействовали данные многолетнего (2016–2023 гг.) включенного наблюдения в университетской среде, когда сами авторы выступали в роли преподавателей и организаторов совместных мероприятий и общей коммуникационной среды для российских и китайских студентов.

На этапе постановки проблемы мы поняли, что будем иметь дело с двумя типами пространств³. В качестве методологического ресурса исследования мы выбрали акторно-сетевую теорию (АСТ) (*Латур* 2014), которая позволила совместить взгляд на “евклидово пространство” и “сетевое пространство”, предложенный Д. Ло. “Евклидово пространство” — это набор физических тел, находящихся в ор-

тогональной системе координат или очевидная форма пространственности с точки зрения здравого смысла. В “евклидовом пространстве” объекты могут располагаться в близости друг к другу, однако, не иметь связи между собой. В “сетевом” же пространстве объекты включены в устойчивую сеть взаимоотношений с другими элементами, независимо от расстояния и местоположения. Вещи и “места” существуют одновременно в “евклидовом” и в “сетевом” пространствах, вследствие чего появляются “множественные формы пространственности”, которые могут оказывать различное воздействие на “включенных” в них акторов (Law 2002).

В нашем исследовании “евклидово пространство” представлено физическим пространством города, геометрическим пространством мест жизнедеятельности (институт, общежитие, наиболее часто посещаемые локации — магазины, остановки общественного транспорта, культурно-досуговые объекты). “Сетевое пространство” включает не только объекты в их геометрическом измерении, но и сети отношений, связывающие воедино широкий спектр различных акторов: самих мигрантов, их социокультурный бэкграунд, отдельные места их деятельности, электронные устройства, приложения на них и, наконец, те ресурсы социальных сетей, в которые они, так или иначе “включены”.

Цифровая часть “сетевого пространства” представлена тремя типами акторов: устройствами, приложениями и ресурсами в социальных медиа. Устройства, являясь частью физического мира, выступают своеобразным переходником в цифровую плоскость. Приложения, являясь частью цифрового мира, дополняют данный инструмент доступа к информационным ресурсам. Ресурсы в социальных медиа, в нашем понимании, становятся своеобразным медиатором, соединяющим пользователей с “евклидовым пространством” города и одновременно определяющим некоторые аспекты восприятия городского пространства и практики в его рамках. Иначе говоря, данный комплексный медиативный механизм органично связывает “сетевое” и “евклидово” пространства. Соответственно, анализ, учитывающий цифровую составляющую, позволяет лучше понять архитектуру “сетевого пространства” и его влияние на восприятие города и повседневность образовательных мигрантов.

Принимая “сетевое пространство” студента-мигранта *per se* и анализируя включенные в него фрагменты города, мы видим, что одни локальности становятся более значимыми, другие — менее, третьи могут вовсе игнорироваться, выпадая из сети отношений, причем влияние на это разграничение оказывают в том числе цифровые технологии. Сама непрерывная ткань города разрывается, и лишь некоторая его часть оказывается охваченной сетью, в пределах которой мигрант организует свою повседневность.

Транслокальные студенты-мигранты: “евклидово” и “сетевое” пространства

Мотивация и выбор Иркутска в качестве места обучения транслокальными студентами-мигрантами обусловлены несколькими факторами. Во-первых, имеет значение малая удаленность от постоянного места жительства — преимуществом города становится возможность беспрепятственно ездить домой на каникулы и в выходные, не неся при этом значительных финансовых и временных затрат, т.е. поддерживать устойчивые связи с местом исхода. Во-вторых, наличие родственников и знакомых в городе обучения, что обеспечивает включенность в местные сети, и молодые люди, начинающие самостоятельную жизнь, оста-

ются в некотором роде “под присмотром”. В-третьих, имеет значение некоторое предварительное знакомство с городом, что влияет на потребление городского пространства. Все респонденты являются выходцами из менее крупных населенных пунктов, в связи с чем у них может возникать страх и дискомфорт в большом пространстве города, например проблемы с использованием общественного транспорта на большие расстояния. Однако те, кто посещал Иркутск в школьные годы и имеет опыт взаимодействия с ним, справляются с этим легче.

Взаимодействие с пространством города у иногородних первокурсников нельзя назвать неограниченным. Главной причиной является слабая наполненность ментальных карт и рутинизация маршрутов. Молодые люди неплохо ориентируются в районе общежития или института, но редко выходят за пределы 1–2 кварталов. Иногда они ходят пешком от общежития до института – при этом на дорогу тратят больше времени, чем местные жители, поскольку выбирают только главные улицы. Важен здесь и тот факт, что их путь повторяет маршруты общественного транспорта. Все упоминаемые этой категорией студентов локации для прогулок – “130 Квартал”, “Музыкальный театр”, “Иерусалимская гора” – выстраиваются вокруг основного маршрута, который используется для поездок “общежитие – университет” (см. Рис. 1).

Рис. 1. Маршрут “общежитие–университет” с основными локациями, посещаемыми российскими студентами:

1 – Университет; 2 – “130 Квартал”; 3 – Музыкальный театр, Иерусалимская гора; 4 – ТЦ “Оранж”; 5 – Общежитие

Карта сделана с помощью программы <https://www.openstreetmap.org/copyright>

Важное значение в сужении/расширении ментальной карты города играет “сетевое пространство”, в которое включен студент. С переездом он/она виртуально сохраняет контакты с местом исхода, в первую очередь с семьей и родными. Эти связи частично формируют набор посещаемых локаций: одни он/она посещал/а совместно с семьей, о других ему/ей рассказывают или советуют посетить родственники. Вдобавок, некоторые студенты имеют родственные и дружеские связи в Иркутске, которые позволяют им расширять число посещаемых локаций, включаться в местные сети и менять восприятие города — деактуализировать привезенные стереотипы. Одновременно формируются студенческие сети: одноклассники, студенческий актив, соседи в общежитии, с которыми первокурсники открывают для себя новые места и посещают их.

Дополнительным фактором, сужающим взаимодействие студентов-россиян с городом и снижающим интенсивность выстраивания социальных контактов, является ограниченность финансов. Например, выбор магазинов определяется территориальной доступностью и ценами, а также стереотипными представлениями: наличие лоукостера “Хлеб-Соль” прямо во дворе общежития частично решает эту проблему, при этом о рынке “Волжский”, который находится близко и предлагает широкий выбор товаров по низким ценам, многие студенты даже не знают. Необходимость выходить из общежития за товарами первой необходимости и дефицит финансовых средств сглаживаются за счет использования цифровых площадок. Покупка одежды, например, в основном производится в интернете родителями, студентам же достаточно только дойти до ближайшего пункта выдачи “Ozon” или “Wildberries”. Финансовые ограничения также приводят к тому, что студенты проводят много времени в общежитии, устраивая совместные посиделки. Таким образом, наблюдаются две траектории социальной жизни: одни студенты (их большинство) предпочитают оставаться в своих комнатах, редко используют кухню и решают бытовые вопросы через чаты в социальных сетях; другие же превращают одну из кухонь в социальный хаб, где активно общаются — для них именно офлайн-коммуникация стимулирует складывание малых групп, общение которых становится продолжительным и перетекает в социальные сети. Однако, находясь в едином “евклидовом пространстве” с китайскими и другими иностранными студентами, россияне предпочитают оставаться в русскоговорящем сообществе. Сами студенты аргументируют это тем, что китайцы себя ведут так, словно “нас не замечают”. Как выяснилось во время интервью, обе группы испытывают неловкость и боятся проявить инициативу в коммуникации и взаимодействиях, не могут преодолеть языковой барьер и, как следствие, проживают “в параллельных мирах”.

Транслокальные студенты-мигранты: цифровой аспект “ сетевого пространства”

Основной платформой, используемой российскими студентами в исследуемом контексте, является социальная сеть “ВКонтакте”. Обзор цифровых площадок соцсети, в дополнение к проведенным интервью, позволил выделить закрытые и открытые группы. К первым относятся чаты общежития и учебные группы, ко вторым — общеуниверситетские чаты/группы. Ограничение в доступе позволило нам провести качественный анализ только двух закрытых чатов: чат общежития, где проживают наши респонденты, состоящий из 140 человек, а также учебную группу, состоящую из 13 человек. Кроме этого, мы провели ис-

следование пяти открытых общеуниверситетских групп со средним количеством участников 2500 человек.

Так как основным родом деятельности исследуемых является учеба, начать стоит с чатов учебных групп. Они, как ожидается, преимущественно используются для обмена материалами, информацией об оценках и уведомлениях о занятиях. Студенты, изучающие китайский язык, уделяют много времени учебе, особенно на начальных этапах, когда объем материала и сложность языка значительны. Кроме того, интенсивный учебный процесс и конкуренция за бюджетные места заставляют студентов проводить большую часть времени в своих комнатах. В результате их взаимодействие в онлайн-среде в основном сводится к обсуждению учебных вопросов.

Цифровая инфраструктура общежития, в отличие от учебной, довольно дифференцирована и включает общий чат, чаты этажей, чаты секций и общий паблик, используемый больше для информирования о досуговых мероприятиях и выкладывания фотоотчетов с них. Однако наличие общего чата не влияет на интенсивность контактов жильцов и выстраивание продолжительных горизонтальных связей. В основном он используется как ресурс для поиска сигарет, соли, подсолнечного масла или мелочи на проезд. “В чате общежития очень часто рекламные объявления. Каждый вечер стабильно просят сигареты. Был смешной случай, когда человек продавал зажигалку за 10 рублей, так как не хватало на проезд” (ПМА 2023—1). На наш взгляд, это скорее снижает потенциал для общения и складывания отношений, поскольку минимизирует необходимость выхода из комнаты и взаимодействия лицом к лицу. Распространенная объединяющая активность в общем чате общежития — обмен шутками и мемами, но занимается этим узкий круг людей, которых можно отнести к активу.

Выход за пределы функционального пространства цифровых платформ дает возможность студентам сблизиться, однако — с ограничениями. Информация об активностях в общие чаты общежития не попадает, поскольку существует отдельный чат для членов “активных” в офлайне секций общежитий. «Есть чат под названием “суета”. Сначала, так как нужно было всех оперативно собирать, мы ходили пешком. А потом, когда круг сложился, мы создали чат и начали писать, что во столько-то. Там сейчас 8 или 11 человек» (ПМА 2023—1). Активист одной из таких компаний отмечает, что изначально на этапе складывания группы все взаимодействия происходят офлайн и только потом оформляются в цифровом пространстве, которое выступает скорее как вспомогательное. С другой стороны, сепарированная группа в “ВКонтакте”, по сути, проводит границу между теми, кто причастен к ней, и остальными.

Другая практика, приводящая к востребованности общего чата, — попытки жильцов высказать свое недовольство через опубликование претензий. Часто это говорит о том, что даже в случае наличия каких-то вопросов к соседям, живущим буквально через стенку, будь то шум, волосы в душе или нечистоплотность, студентам проще написать об этом в общий чат, чем выйти из комнаты и переговорить лично. “Конфликты бывают. Часто в таких случаях пишут — идите в чат своего блока и там ссорьтесь” (ПМА 2023—1). Чат выступает механизмом, позволяющим исключить непосредственный контакт. Инициировать общее обсуждение может какой-то касающийся вообще всех жителей города (землетрясение) или быта общежития (отключение света, проблемы с интернетом) инфоповод. Такие события становятся предметом обсуждения только на время их актуально-

сти и в целом инструментализируют чат лишь как площадку для получения справочной информации (когда восстановится интернет, дадут электричество и т.д.).

На вопрос о том, какие цифровые ресурсы используются первокурсниками для поддержания контакта со студенческой средой и университетом, в основном все отвечали одинаково. В первые недели на новом месте, поддавшись рекламе со стороны ППОС ИГУ (Первичная профсоюзная организация студентов ИГУ), каждый первокурсник подписывается на их ресурсы в социальных сетях. Однако очень скоро оказывается, что за красивой и довольно насыщенной контент-политикой официальных страниц профсоюза скрывается скорее имитация деятельности. Респонденты говорят о том, что профком организует мероприятия для самих себя, по крайней мере это выглядит так. То есть как цифровой механизм, который гипотетически должен привлекать студенческую аудиторию к реальной офлайн-активности, социальные сети не работают. При посещении рекламируемых мероприятий оказывается, что основной контингент там — сами организаторы. Если же студенты и участвуют в каких-либо событиях, то узнают о них от преподавателей или своих одногруппников — активистов профкома лично.

Трансграничные студенты-мигранты: “евклидово” и “сетевое” пространства

Мотивация, с которой молодежь приезжает в город обучения, формирует рамки восприятия этого города, задает векторы перемещений в нем. В случае китайских студентов, обучающихся в Иркутске, мы выделили следующие мотивационные факторы: удаленность от места исхода; туристическая и экономическая привлекательность; возможность налаживания контактов на перспективу; уже имеющиеся контакты; а также использование города в качестве транзитной зоны для продвижения в дальнейшем в европейскую часть страны. Заданный фокус еще до приезда вносит ограничения в восприятие физического пространства и контейнеризирует его, поэтому для китайских студентов в Иркутске, помимо университета, главными местами для посещения становятся оз. Байкал и “китайские” локации.

В Иркутске “китайское” присутствие отражается на облике самого города (Grigoriev 2018). Несколько крупных “китайских” рынков, рестораны и кафе китайской кухни становятся местами притяжения и точками сборки для студентов из КНР (см. Рис. 2). Как правило, студенты узнают о таких локациях внутри “китайской сети” — от старшекурсников или китайских друзей. Первокурсники могут быть дезориентированы в городском пространстве, но точно знают, где находится “китайский” рынок. Например, на вопрос о том, часто ли они посещают центр города, можно получить такой ответ: «“Шанхай сити”⁴ — это центр города? Я обычно туда хожу» (ПМА 2023—2). Некоторая дезориентация наблюдается также в отношении окрестностей района общежития: китайцы плохо знают названия остановок общественного транспорта, которые находятся неподалеку.

До прибытия в Иркутск потенциальная включенность в китайские социальные сети уже предопределена. Большинство китайских студентов останавливаются на период обучения в предлагаемых университетом общежитиях, так как помимо проблемы проживания это снимает изрядную долю бюрократических издержек, сопровождающих трансграничных мигрантов. В общежитиях их встречают китайские старшекурсники, помогают им адаптироваться на новом месте, обустроить быт, знакомят с необходимыми для жизни локациями. Таким

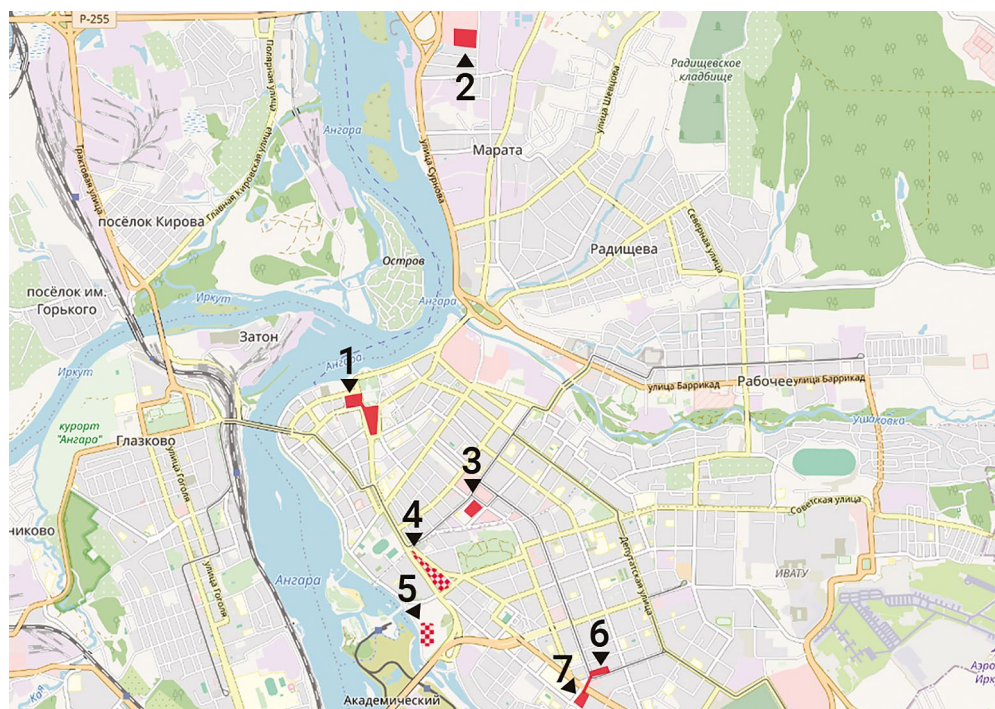

Рис. 2. Основные локации, посещаемые китайскими студентами:

- 1 – Университет, Сквер Кирова, Нижняя Набережная р. Ангары;
- 2 – Рынок “Китай-город”; 3 – Центральный рынок, ТЦ “Шанхай сити”;
- 4 – “130 Квартал”; 5 – Верхняя Набережная р. Ангары; 6 – ТЦ “Оранж”;
- 7 – Общежитие

Карта сделана с помощью программы <https://www.openstreetmap.org/copyright>

образом, пребывая в месте обучения, китайские студенты становятся заложниками своего социокультурного бэкграунда и китайского “сетевого пространства”. Образовательная организация способствует сохранению такого положения дел: граждане КНР учатся в китайских группах, компактно проживают в общежитиях, а не в одних комнатах/блоках с российскими студентами. Зачастую китайские студенты держатся особняком, несмотря на то что их места посещений во многом совпадают с местами посещений российских студентов. Таким образом, они, оставаясь включенными в китайскую сеть взаимодействий, складывают собственную ограниченную “карту города”. Все респонденты упоминали набор одних и тех же мест, которые они посещают. Помимо университета и общежития, места, где студенты проводят большую часть времени, охватывают известные в городе сети супермаркетов “Слата”, “Хлеб-Соль” и “О’КЕЙ”, популярные торговые центры “Яркомол” и “Модный квартал”, набережную р. Ангары, побережье оз. Байкал и, конечно, упомянутые выше “китайские” локации.

С одной стороны, социокультурный бэкграунд студентов, как уже было отмечено выше, оказывает значительное влияние на восприятие пространства пребывания и знакомства с ним. Китайские студенты часто сравнивают местные

условия с теми, что привычны им в Китае, отмечая различия в природе, климате, в организации города, в общественном транспорте и культурно-социальных практиках – “в Китае по-другому” (ПМА 2023–2). В отличие от них, транслोकальные студенты-мигранты обычно сосредотачиваются на бытовых вопросах, например: “в общежитии условия жизни хуже, чем дома” (ПМА 2023–1). Таким образом, места пребывания воспринимаются как “другие”, но при этом приобретают новые значения благодаря выявленным различиям.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что обычный распорядок у китайского и российского студентов не сильно отличается. Каждый день они выполняют привычные рутинные действия: посещают занятия, делают покупки и готовят еду. Однако китайские студенты предпочитают действовать небольшими группами по 3–4 человека, что обусловлено финансовыми и правовыми ограничениями, а также соображениями безопасности. Совместное приготовление еды или посещение ресторанов обходится дешевле, а периодические незапланированные проверки государственных служб в общежитии и невозможность пользования некоторыми документами в России, создающие ощущение precariousности, переживать легче совместно с теми, кто находится в аналогичных условиях. Кроме того, китайские студенты упоминают некоторую общую ситуацию небезопасности, особенно в вечернее время.

Можно сказать, что мы наблюдаем одновременное сужение и расширение пространств взаимодействия. Закрытость “евклидова пространства” и его сужение до лимитированного набора локаций в своем, китайском, окружении провоцируют расширение китайского “сетевого пространства”. Чем более закрытой и компактной является группа, тем сильнее связи, которые формируются и крепнут внутри нее (*Granovetter* 1973). Конечно, встречаются и исключения, которые тем не менее скорее подтверждают правило. Приведем пример со спортивной площадкой, находящейся около общежития. В отличие от кухни в китайском блоке или комнаты с игровыми приставками, она представляет собой открытое пространство. Некоторое время назад двое китайских студентов стали там играть в баскетбол, постепенно к ним присоединились другие китайские и российские студенты. Однако такую практику нельзя назвать распространенной. Вышеизложенное демонстрирует, что закрытость “сетевого пространства” препятствует адаптации китайских студентов и включению их в совместные практики с представителями принимающего сообщества. Использование открытых пространств для выстраивания новых связей с некитайскими акторами является скорее девиацией, что подтверждается данными интервью.

Трансграничные студенты-мигранты: цифровой аспект “сетевого пространства”

Как показывают наши полевые материалы, на начальном этапе адаптации студенты испытывают наибольший стресс при личном общении с представителями принимающей страны (ПМА 2016–2023) (что отмечалось и в других исследованиях; см., напр.: *Ye* 2006), поэтому для них особенно важно поддерживать контакты с семьей и близкими. Социальные медиа позволяют оставаться на связи и снижать эмоциональное напряжение, поскольку физически взаимодействовать с родными так часто, как это делают российские студенты, не всегда удастся. Кроме того, высокий уровень стресса в первые месяцы пребывания усиливает вероятность того, что не знакомые с обстановкой китайские студенты

будут искать помощи и “укрытия” в среде своих соотечественников (Hurh, Kim 1990). Попав в комфортную зону общения, они реже контактируют с россиянами. Социальные сети, в частности *WeChat*, играют ключевую роль в формировании этой комфортной зоны и в дальнейшей контейнеризации.

Китайские студенты включены как в студенческие группы в *WeChat* – учебные, группы в общежитии (общая группа и поэтажные группы), в группы для покупки/продажи товаров, а также в группы, которые используются другими категориями китайских мигрантов в Иркутске. При этом все группы в *WeChat* являются закрытыми. Как было отмечено выше, в рамках данного исследования в дополнение к интервью нам удалось провести обзор и качественный анализ пяти групп, в которые включены наши респонденты и которыми они активно пользуются в контексте изучаемых нами вопросов: чат китайских гидов-переводчиков (включая студентов) – 500 участников; группа, где публикуются объявления о сдаче в аренду и продаже товаров, а также предлагаются логистические услуги между КНР и РФ – количество участников скрыто; группа для китайских студентов, где продаются подержанные товары, а также происходит обмен новостями и событиями в г. Иркутске – количество участников скрыто; русско-китайский клуб студентов – 35 участников; чат одной из учебных групп – 18 участников. Помимо этого, некоторые респонденты поделились контентом чатов общежитий, без включения нас в них.

В цифровых пространствах китайские и российские студенты решают во многом аналогичные вопросы. В общей группе в *WeChat*, куда входит более 60 пользователей, в основном обращаются друг к другу с просьбами: открыть дверь ночью; подсказать, где и что купить; высказать недовольство о сильном шуме; попросить одолжить какой-то продукт. При этом для определенного круга людей с общими интересами в офлайне создаются отдельные чаты: для игроков в баскетбол и компьютерные игры; для любителей посиделок на кухне; и др. Здесь мы обнаруживаем схожие с используемыми российскими студентами механизмы, когда организация малых групп в виртуальном пространстве выстраивается офлайн, тем самым ограничивая возможности входа.

Использование платформы помогает преодолеть и финансовые ограничения. Китайские первокурсники покупают бывшие в употреблении товары у студентов старших курсов, выпускников и китайских мигрантов, проживающих в Иркутске. Чаты служат цифровыми торговыми площадками и, кроме того, рассказывают о местах, где можно приобрести нужные товары, что способствует расширению сети китайских офлайн-контактов для будущих взаимодействий.

Группы в *WeChat* играют ключевую роль в качестве источника информации, из них китайские студенты узнают о том, что происходит не только в общежитии, но и в университете и в городе. Ограниченный круг общения не позволяет получать такого рода сведения из первых рук, например в профсоюзных организациях, как это происходит в случае российских студентов. Более того, можно наблюдать процессы включения преподавателей университета в китайское цифровое пространство. Ярким примером является период пандемии, когда “преподаватели стали создавать группы в *WeChat*, чтобы не потерять студентов, не потерять контакт с ними” – многим пришлось освоить новый инструмент, которым они не пользовались в своей повседневной жизни (ПМА 2023–3). Такая инициатива была и попыткой создать сообщество, чтобы единичные поль-

зователи ощущали себя в связке с другими: это были чаты и ученических групп, и студентов разных курсов ИФИЯМ (Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций ИГУ). До пандемии в *WeChat* общей группы китайских студентов университета не было. “Сначала создали маленькую группу, а потом они уже сами стали приглашать одноклассников, тех, с кем вместе живут в общежитии, так группа постепенно наполнялась” (ПМА 2023—3). Позднее эти чаты стали частично дифференцироваться — на тех, кто непосредственно находился в России, и тех, кто оставался на дистанте в Китае, так как для них подавалась разная информация. Налаженная в кризисный период система помогла сохранить общность. Учебные группы в *WeChat* и сейчас приоритетно используются как в образовательных целях, так и для организации внеучебных мероприятий и поездок.

Политика Китая по ограничению использования “некитайских” социальных сетей влияет и на повседневные практики китайских студентов за рубежом. После приезда на обучение в Россию молодые люди становятся пользователями российской сети “ВКонтакте”. Однако даже при первичном поверхностном просмотре страничек наших респондентов в этой социальной сети мы обнаружили, что не у всех загружены фото или вместо фото они используют картинки. Имена в большинстве случаев написаны на китайском языке (иероглифы или транскрипция *pinyin*). Количество друзей у каждого варьируется от трех до девяти; в друзьях — русские студенты, изучающие китайский язык, и преподаватели. Очевидно, что данная социальная сеть не является основной для общения. Это косвенно подтвердилось в то время, когда мы договаривались с респондентами об интервью. На наши сообщения они отвечали с длительными перерывами, ссылаясь на то, что у них не настроены уведомления-оповещения в данной соцсети, и охотно переключались на разговор в *WeChat*. В своих ответах они также отмечали, что предпочитают оставаться в своем кругу, и “если бы не *WeChat*, то мы были бы вынуждены выйти из зоны комфорта” (ПМА 2023—2). Вдобавок качественный анализ сообщений в *WeChat*-группах подтвердил, что многие вопросы повседневного характера можно решить, не выходя за пределы своего китайского круга. Таким образом, оставаясь в комфортном виртуальном пространстве и в своей сети, китайские мигранты могут вовлекаться в экономические практики принимающего региона опосредованно — через *WeChat*.

* * *

На примере трансграничных и транслокальных групп студентов-мигрантов мы продемонстрировали, что воспринимаемая ими культурная дистанция (Galchenko, Van De Vijver 2007) является важной предшествующей переменной при адаптации. При сравнении представленных кейсов мы пришли к следующим заключениям. Во-первых, посредством регулярного взаимодействия с местами и объектами в “евклидовом пространстве” предзаданный образ города и стереотипные представления о нем у транслокальных мигрантов постепенно деактуализируются. Важно понимать, что у россиян пополнение комплекта посещаемых в городе локальностей, как правило, не происходит обособленно от повседневной социальной активности: круг знакомств расширяется постепенно, в основном в рамках студенческой жизни; рано или поздно большин-

ство студентов включаются в новые сообщества по интересам, уже без привязки к университету, и посещают соответствующие мероприятия в разных частях города; вместе с друзьями из сформировавшегося за первый год обучения круга общения, опять же не обязательно состоящего из студентов ИГУ, гуляют и проводят свободное время в городском пространстве. Иными словами, освоение города происходит параллельно с формированием новых знакомств, что в совокупности перепрошивает “сетевое пространство” транслокальных мигрантов и, соответственно, меняет механики считывания и использования “евклидова пространства”.

У китайских студентов в целом образ города “подтверждается” набором посещенных достопримечательностей и “китайских” локаций, оставляя воспринимаемое “евклидово пространство” фрагментированным. Их социальная активность, как правило, ограничивается китайским кругом, в большей степени университетским, а также слабыми и формализованными контактами с персоналом университета. Языковой барьер и страх нарушить какие-то бюрократические формальности мешает свободному перемещению по городу и полноценному использованию его ресурсов. Соответственно, базовыми местами, где китайские студенты могут чувствовать себя в безопасности, остаются университет, общежитие и редкие организуемые вузом экскурсии. Также нельзя не учесть культурно-психологический аспект пребывания молодых китайцев в непривычном для себя российском окружении, что вынуждает их периодически посещать места, где они могут почувствовать привычную для себя китайскую атмосферу: “китайские” заведения общепита, рынки и специализированные магазины с китайскими товарами. “В Иркутске много китайских ресторанов. Там всегда, как дома. Китайская еда, и можно говорить по-китайски. Поэтому первые полгода я почти не говорил по-русски” (ПМА 2023—2). Сопровождающая пребывание в городе аффективная атмосфера позволяет трансграничным мигрантам сохранять некоторую долю комфорта в рамках выделяемых в “евклидовом пространстве” фрагментов и стабилизирует “сетевое пространство” и продуцируемый им образ города.

При этом повседневность китайских и российских первокурсников во многом похожа, поскольку основную часть своего времени и те и другие проводят на учебе или в общежитии. Обе группы ограничены в финансах, что модулирует набор тех мест и практик, при помощи которых они приобретают необходимые товары. Как следствие, взаимодействие с городской средой слабое и выборочное у обеих групп. Однако у россиян оно потенциально шире, поскольку не привязано жестко к социальным медиа и социокультурному бэкграунду.

Для китайских студентов участие в группах социальных медиа является жизненно важным и служит основой для формирования их “ сетевого пространства”. Социальные медиа способствуют формированию ментальных карт на всех необходимых для повседневности уровнях (город, общежитие, институт, места покупок, места досуга и др.), что “комплектует” набор воспринимаемых мест. У россиян социальные сети служат лишь дополнением к офлайн-практикам (по сути, играют “обслуживающую” роль при создании “ сетевого пространства” офлайн), а потенциальные возможности выстраивания сетей и посещения новых мест в повседневной жизни — шире (не имеют “китайских” ограничений, таких как специфические локации или социальные медиа). Таким образом, ежедневно находясь физически в одних и тех же местах, внутренние и иностранные студенты видят их по-разному, в том числе

под влиянием цифровых ресурсов.

В отличие от диссертационного исследования Ю. Янь, где подтверждается, что «использование *Facebook** (“местная” социальная сеть.— *Авт.*) и *WeChat* (этническая социальная сеть.— *Авт.*) положительно влияет на успешную адаптацию (в частности психологическую.— *Авт.*) китайских иностранных студентов в США» (Yan 2018: 30), мы обнаружили, что в Иркутске ситуация иная. Действительно, *WeChat* и другие китайские приложения (*Douyin*, *XiaoHongShu*) дают положительный эффект при адаптации в среде китайских соотечественников, снижая уровень стресса и напряжения, однако не оказывают такого же позитивного воздействия на аккультурацию и адаптацию в среде граждан принимающего сообщества. Такие выводы совпадают с результатами исследования сотрудников Университета Маунт-Ройал, полученными при изучении китайских мигрантов в Канаде с использованием методов анкетирования и фокус-групп: китайские социальные медиа не способствуют адаптации китайских студентов, более того, делают социальные группы еще более закрытыми, позволяя их участникам оставаться в зоне комфорта (*comfort zone*) и культурном пузыре (*cultural bubble*) (Ju et al. 2021). Использование “ВКонтакте” в качестве “местной” социальной сети, как и *Facebook** в приведенном исследовании, не становится активным инструментом для расширения социальных контактов с представителями страны пребывания.

Наши результаты согласуются со сравнительным исследованием азиатских и англо-австралийских студентов в Австралии (Bailey, Dua 1999), где было обнаружено, что азиатские студенты чаще, чем англо-австралийские, использовали коллективистские стратегии совладания. Учитывая, что в Китае преобладает коллективистская культура (Hofstede 1987), использование китайских цифровых платформ и мессенджеров объясняет включение китайских иностранных студентов во внутреннюю группу, т.е. в китайское “сетевое пространство”, что сдерживает их взаимодействие с другими группами в месте пребывания (Yu et al. 2019). Из сделанных выводов следует, что китайские студенты становятся важными акторами в формировании и развитии кибердиаспоры (Авдашкин 2022), что открывает новые перспективные направления для будущих исследований.

* Экстремистская организация, запрещенная на территории РФ.

Примечания

¹ Статистические отчеты по форме ВПО-1 за 2022/2023 учебный год, а также общедоступные данные на сайте ИГУ (<https://isu.ru/ru/news/2023/details/news-id2023-00723/м>).

² Например: “Сколько человек в общей группе общепития в *WeChat*?”

³ Пространство понимается нами как “организация наблюдаемого в consistente множество, выделяемое на основе заданных параметров наблюдения” (Филиппов 2008: 122).

⁴ “Китайский” рынок, располагающийся в центре Иркутска.

Источники и материалы

ПМА 2023 — Полевые материалы авторов. Иркутск, ИФИЯМ ИГУ, май—июнь 2023 г. Интервью: 1 — студенты-россияне; 2 — студенты-китайцы; 3 — сотрудники-эксперты.

ПМА 2016–2023 — Полевые материалы авторов. Включенное наблюдение, Иркутск, 2016–2023 гг.

Научная литература

- Авдашкин А.А. Кыргызская кибердиаспора: постановка проблемы и взгляд мигрантов // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 114–130.
- Брызгина Д.Е. “Этнические” рынки Иркутска: производство и трансформация социального пространства города // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (3) С. 70–99. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-3-70-99>
- Дятлова Е.В. Китайский общепит в Иркутске // Проект Байкал. 2017. № 54. С. 82–85. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1254>
- Кужелева-Саган И. и др. “Цифровые диаспоры” мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс “воображаемого сообщества” и конкуренция идентичностей. Томск: Изд-во ТГУ, 2016.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
- Сметанин Ф.А., Тимошкин Д.О., Иванов К.А., Брызгина Д.Е. Ищу квартиру, работу, шамана: социальные медиа как механизм структурной адаптации внутренних мигрантов в Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 157–166.
- Тимошкин Д.О. и др. Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 2. С. 25–50.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.
- Amigo B., Osorio F., Bravo M.C. Mobile Communication Technologies and Ontological Security // Convergencia Revista de Ciencias Sociales. 2017. Vol. 74. P. 39–61.
- Bailey F.J., Dua J. Individualism–Collectivism, Coping Styles, and Stress in International and Anglo-Australian Students: A Comparative Study // Australian Psychologist. 1999. Vol. 34 (3). P. 177–182. <https://doi.org/10.1080/00050069908257451>
- Bjørnholt M., Farstad G. “Am I Rambling?” On the Advantages of Interviewing Couples Together // Qualitative Research. 2012. Vol. 14 (1). P. 1–17.
- Falk S., Römmele A., Silverman M. Digital Government: Leveraging Innovation to Improve Public Sector Performance and Outcomes for Citizens. Berlin: Springer, 2017.
- Galchenko I., Van De Vijver F.J. The Role of Perceived Cultural Distance in the Acculturation of Exchange Students in Russia // International Journal of Intercultural Relations. 2007. Vol. 31 (2). P. 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Goodman M., Goodman D., Redclift M. Consuming Space: Placing Consumption in Perspective. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010.
- Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.
- Grigoriev K. Restructuring of the Chineseness: Ethnic Marking of City Spaces in the Light of Migration from China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11 (11). P. 1762–1775. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0338>
- Grigoriev K., Koreshkova I. “Chinese” or “Local”? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs // Inner Asia. 2022. Vol. 24 (1). P. 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016>
- Haleem A., Javaid M., Qadri M.A., Suman R. Understanding the Role of Digital

- Technologies in Education: A Review // Sustainable Operations and Computers. 2022. Vol. 3. P. 275–285.
- Haynes N., Wang X.* Making Migrant Identities on Social Media: A Tale of Two Neoliberal Cities on the Pacific Rim // Media, Culture & Society. 2019. Vol. 42 (1). P. 1–10. <https://doi.org/10.1177/0163443719884060>
- Hilbert M.* Digital Technology and Social Change: The Digital Transformation of Society from a Historical Perspective // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2020. Vol. 22 (2). P. 189–194.
- Hofstede G.* The Applicability of McGregor's Theories in South East Asia // Journal of Management Development. 1987. Vol. 6 (3). P. 9–18.
- Hurh W.M., Kim K.C.* Adaptation Stages and Mental Health of Korean Male Immigrants in the United States // International Migration Review. 1990. Vol. 24 (3). P. 456–479.
- Ju R., Hamilton L., McLarnon M.* The Medium is the Message: Wechat, Youtube, and Facebook Usage and Acculturation Outcomes // International Journal of Communication. 2021. Vol. 15. P. 4011–4033. <https://doi.org/1932-8036/20210005>
- Kolova S.M., Belkina O.V.* Sociocultural Support of International Students as Adaptation Tool in Intercultural Environment of Russian University (SUSU Case Study) // Bulletin of the South Ural State University: Education; Educational Sciences. 2023. Vol. 15 (3). P. 67–83. <https://doi.org/10.14529/ped230306>
- Koreshkova Y.O.* Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 11. P. 1816–1823. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0342>
- Law J.* Objects and Spaces // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19 (5). P. 91–105. <https://doi.org/10.1177/026327602761899165>
- Lee J. W.Y., Kim B., Lee T.L., Kim M.S.* Uncovering the Use of Facebook During an Exchange Program // China Media Research. 2012. Vol. 8 (4). P. 62–76.
- Mallinson K.* Smartphone Revolution: Technology Patenting and Licensing Fosters Innovation, Market Entry, and Exceptional Growth // IEEE Consumer Electronics Magazine. 2015. Vol. 4 (2). P. 60–66. <https://doi.org/10.1109/MCE.2015.2392954>
- Mavhandu-Mudzusi A.H.* The Couple Interview as a Method of Collecting Data in Interpretative Phenomenological Analysis Studies // International Journal of Qualitative Methods. 2018. Vol. 17 (1). <https://doi.org/10.1177/1609406917750994>
- Peng Y.* Student Migration and Polymedia: Mainland Chinese Students' Communication Media Use in Hong Kong // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2016. Vol. 42 (14). P. 2395–2412. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1194743>
- Ryzhova N., Koreshkova I.* Wechat as Migration Infrastructure: The Case of Chinese-Russian Precarious Labour Markets // WeChat and the Chinese Diaspora / Eds. W. Sun, H. Yu. Milton Park: Routledge, 2022. P. 38–56.
- Sinanan J., Gomes C.* “Everybody Needs Friends”: Emotions, Social Networks and Digital Media in the Friendships of International Students // International Journal of Cultural Studies. 2020. Vol. 23 (5). P. 674–691. <https://doi.org/10.1177/1367877920922249>
- Timoshkin D.* Construction of Horizontal Networks on “Migrant” Russian-Language Digital Platforms // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13 (5). P. 688–699.
- Valentine G.* Doing Household Research: Interviewing Couples Together and Apart // Area. 1999. Vol. 31. No. 1. P. 67–74.

- Xia L., Baghaie S., Mohammad Sajadi S. The Digital Economy: Challenges and Opportunities in the New Era of Technology and Electronic Communications // *Ain Shams Engineering Journal*. 2024. Vol. 15 (2). <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
- Yan Y. Facebook and Wechat: Chinese International Students' Social Media Usage and How It Influences Their Process of Intercultural Adaptation. PhD dis. Marquette University, Milwaukee, 2018.
- Yang C. US-Based Social Media Use and American Life: A Study of Chinese Students' Acculturation and Adaptation in America // *Global Media and China*. 2018. Vol. 3 (2). P. 75–91. <https://doi.org/10.1177/2059436418783765>
- Ye J. Traditional and Online Support Networks in the Cross-Cultural Adaptation of Chinese International Students in the United States // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11 (3). P. 863–876. <http://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.00039.x>
- Yu Q., Foroudi P., Gupta S. Far Apart Yet Close by: Social Media and Acculturation Among International Students in the UK // *Technological Forecasting and Social Change*. 2019. No. 145. P. 493–502.

Research Article

Ivanov, K.A., and I.O. Koreshkova. Students on the “Web”: Social Media as an Actor in Assembling “Network Spaces” of Educational Migrants in Irkutsk [Studenty v “seti”: sotsial’nye media kak aktor sborki “setevykh prostranstv” obrazovatel’nykh migrantov v Irkutske]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 136–156. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050087> EDN: ASBGHO ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kirill Ivanov | <http://orcid.org/0000-0002-3895-0082> | ivanov-ka@word.isu.ru | Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russia)

Iuliia Koreshkova | <http://orcid.org/0000-0002-5582-6032> | yuliakodzhaeva@yandex.ru | Irkutsk State University (1 Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russia)

Keywords

educational migration, Euclidean and Network space, digital practices, social media, Irkutsk

Abstract

The article studies daily online and offline practices by trans-local (Russian) and transnational (Chinese) student migrants in Irkutsk. Drawing on the concept proposed by J. Law, distinguishing between “Euclidean space” and “Network space”, we aimed to explain how migrant students’ participation in various digital chats and groups shapes and stabilizes different networks, determining their everyday practices. We demonstrate that for Chinese students, participation in social media groups becomes the foundation for forming their “Network space”, playing a primary role in its assembly. For Russians, however, social media mainly supplement offline practices, supporting building the “Network space”. Thus, while physically present in the same locations (“Euclidean space”) daily, trans-local (Russian) and transnational (Chinese) students perceive them differently as they simultaneously exist in various “Network spaces”, including those influenced by digital resources.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-78-10075] (<https://rscf.ru/project/22-78-10075/>)

References

- Amigo, B., F. Osorio, and M.C. Bravo. 2017. Mobile Communication Technologies and Ontological Security. *Convergencia Revista de Ciencias Sociales* 74: 39–61.
- Avdashkin, A.A. 2022. Kyrgyzskaia kiberdiaspora: postanovka problemy i vzgliad migrantov [Kyrgyz Cyber-Diaspora: Problem Statement and Migrants' Perspectives]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 114–130.
- Bailey, F.J., and J. Dua. 1999. Individualism–Collectivism, Coping Styles, and Stress in International and Anglo-Australian Students: A Comparative Study. *Australian Psychologist* 34: 177–182. <https://doi.org/10.1080/00050069908257451>
- Bjørnholt, M., and G. Farstad. 2012 “Am I Rambling?” On the Advantages of Interviewing Couples Together. *Qualitative Research* 14 (1): 1–17.
- Bryazgina, D.E. 2020. “Etnicheskie” rynki Irkutsk: proizvodstvo i transformatsiia sotsial'nogo prostranstva goroda [The “Ethnic” Markets of Irkutsk: Production and Transformation of Urban Social Space]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 3: 70–99. <https://doi.org/10.25285/2078–1938–2020–12–3–70–99>
- Dyatlova, E.V. 2017. Kitaiskii obshchepit v Irkutsk [Chinese Catering in Irkutsk]. *Proekt Baikal* 54: 82–85. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.54.1254>
- Falk, S., A. Römmele, and M. Silverman. 2017. *Digital Government: Leveraging Innovation to Improve Public Sector Performance and Outcomes for Citizens*. Berlin: Springer.
- Filippov, A.F. 2008. *Sotsiologiia prostranstva* [Sociology of Space]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Galchenko, I., and F.J. Van De Vijver. 2007. The Role of Perceived Cultural Distance in the Acculturation of Exchange Students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations* 2: 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Goodman, M., D. Goodman, and M. Redclift. 2010. *Consuming Space: Placing Consumption in Perspective*. Farnham: Ashgate Publishing Limited.
- Granovetter, M.S. 1973. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Psychology* 6: 1360–1380.
- Grigoriev, K. 2018. Restructuring of the Chineseness: Ethnic Marking of City Spaces in the Light of Migration from China. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 11: 1762–1775. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0338>
- Grigoriev, K., and I. Koreshkova. 2022. “Chinese” or “Local”? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs. *Inner Asia* 1: 31–52. <https://doi.org/10.1163/22105018–02302016>
- Haleem, A., M. Javaid, M.A. Qadri, and R. Suman. 2022. Understanding the Role of Digital Technologies in Education: A Review. *Sustainable Operations and Computers* 3: 275–285.
- Haynes, N., and X. Wang. 2019. Making Migrant Identities on Social Media: A Tale of Two Neoliberal Cities on the Pacific Rim. *Media, Culture & Society* 1: 1–10. <https://doi.org/10.1177/0163443719884060>
- Hilbert, M. 2020. Digital Technology and Social Change: The Digital Transformation of Society from a Historical Perspective. *Dialogues in Clinical Neuroscience* 22 (2): 189–194.
- Hofstede, G. 1987. The Applicability of McGregor's Theories in South East Asia. *Journal of Management Development* 6 (3): 9–18.
- Hurh, W.M., and K.C. Kim. 1990. Adaptation Stages and Mental Health of Korean

- Male Immigrants in the United States. *International Migration Review* 24 (3): 456–479.
- Ju, R., L. Hamilton, and M. McLarnon. 2021. The Medium is the Message: Wechat, Youtube, and Facebook Usage and Acculturation Outcomes. *International Journal of Communication* 15: 4011–4033. <https://doi.org/1932-8036/20210005>
- Kolova, S.M., and O.V. Belkina. 2023. Sociocultural Support of International Students as Adaptation Tool in Intercultural Environment of Russian University (SUSU Case Study). *Bulletin of the South Ural State University: Education; Educational Sciences* 3: 67–83. <https://doi.org/10.14529/ped230306>
- Koreshkova, Y.O. 2018. Wechat as a Lifestyle: Social Network Tool of the Chinese Migrants in Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 11: 1816–1823. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0342>
- Kuzheleva-Sagan, I., et al. 2016. “Tsifrovye diaspori” migrantov iz Tsentral’noi Azii: virtual’naia setevaya organizatsiia, diskurs “voobrazhaemogo soobshchestva” i konkurentsiia identichnosti [“Digital Diasporas” of Migrants from Central Asia: Virtual Network Organization, Discourse of “Imagined Community” and Competition of Identities]. Tomsk: Izdatel’svo TGU.
- Latour, B. 2014. Peresborka sotsial’nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izdatel’skii dom VShE.
- Law, J. 2002. Objects and Spaces. *Theory, Culture & Society* 5: 91–105. <https://doi.org/10.1177/026327602761899165>
- Lee, J.W.Y., B. Kim, T.L. Lee, and M.S. Kim. 2012. Uncovering the Use of Facebook During an Exchange Program. *China Media Research* 4: 62–76.
- Mallinson, K. 2015. Smartphone Revolution: Technology Patenting and Licensing Fosters Innovation, Market Entry, and Exceptional Growth. *IEEE Consumer Electronics Magazine* 4 (2): 60–66. <https://doi.org/10.1109/MCE.2015.2392954>
- Mavhandu-Mudzusi, A.H. 2018. The Couple Interview as a Method of Collecting Data in Interpretative Phenomenological Analysis Studies. *International Journal of Qualitative Methods* 17 (1). <https://doi.org/10.1177/1609406917750994>
- Peng, Y. 2016. Student Migration and Polymedia: Mainland Chinese Students’ Communication Media Use in Hong Kong. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 14: 2395–2412. <http://doi.org/10.1080/1369183X.2016.1194743>
- Ryzhova, N., and I. Koreshkova. 2022. Wechat as Migration Infrastructure: The Case of Chinese-Russian Precarious Labour Markets. In *WeChat and the Chinese Diaspora*, edited by W. Sun and H. Yu, 38–56. Milton Park: Routledge.
- Sinanan, J., and C. Gomes. 2020. “Everybody Needs Friends”: Emotions, Social Networks and Digital Media in the Friendships of International Students. *International Journal of Cultural Studies* 5: 674–691. <https://doi.org/10.1177/1367877920922249>
- Smetanin, F.A., D.O. Timoshkin, K.A. Ivanov, and D.E. Bryazgina. 2023. Ishchu kvartiru, rabotu, shamana: sotsial’nye media kak mekhanizm strukturnoi adaptatsii vnutrennikh migrantov v Sibiri [Searching for an Apartment, Job, Shaman: Social Media as a Mechanism of Structural Adaptation for Internal Migrants in Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* 83: 157–166.
- Timoshkin, D. 2020. Construction of Horizontal Networks on “Migrant” Russian-Language Digital Platforms. *Journal of Siberian Federal University. Humanities &*

Social Sciences 13 (5): 688–699.

- Timoshkin, D.O., et al. 2023. Sotsial'nye media kak mekhanizm (vos)produktstva migratsionnykh strategii (na primere tsifrovyykh ploshchadok russkoiazychnyykh migrantov v Koree) [Social Media as a Mechanism of (Re)production of Migration Strategies (Using the Example of Digital Migration Platforms in Korea)]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 29 (2): 25–50.
- Valentine, G. 1999. Doing Household Research: Interviewing Couples Together and Apart. *Area* 31 (1): 67–74.
- Xia, L., S. Baghaie, and S. Mohammad Sajadi. 2024. The Digital Economy: Challenges and Opportunities in the New Era of Technology and Electronic Communications. *Ain Shams Engineering Journal* 15 (2). <https://doi.org/10.1016/j.asej.2023.102411>
- Yan, Y. 2018. Facebook and Wechat: Chinese International Students' Social Media Usage and How It Influences Their Process of Intercultural Adaptation. PhD diss., Marquette University.
- Yang, C. 2018. US-Based Social Media Use and American Life: A Study of Chinese Students' Acculturation and Adaptation in America. *Global Media and China* 2: 75–91. <https://doi.org/10.1177/2059436418783765>
- Ye, J. 2006. Traditional and Online Support Networks in the Cross-Cultural Adaptation of Chinese International Students in the United States. *Journal of Computer-Mediated Communication* 3: 863–876. <http://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.00039.x>
- Yu, Q., P. Foroudi, and S. Gupta. 2019. Far Apart Yet Close by: Social Media and Acculturation Among International Students in the UK. *Technological Forecasting and Social Change* 145: 493–502.